

# ТРУДЫ

в банды, перестреляли друг друга. Все городские кладбища полнятся аллеями убитых в перестрелке бандитов. Русские пассивари, которые не нашли себя в творческих трудах и свершениях, перестреляли друг друга на бесчисленных стрелках, бандитских войнах и пьяных дебошах.

Был Петербург Пушкина, Петербург Лермонтова, Петербург Гоголя, был Петербург Мандельштама, Андрея Белого, Николая Гумилёва, был великий блокадный Ленинград Ольги Берггольц. В эпоху Черкизона возник бандитский Петербург — столица русского преступного мира. Черкизон встречает тебя нарядными китайскими игрушками, турецкими дублёнками, зарубежным ширпотребом, запахом шашлыков, восточного кофе. Но если ты пройдёшь за торговые ряды, то увидишь вход в преисподнюю. Там, в подземном Черкизоне, пытаются людей, насилуют девушек, предаются содомскому греху, оскверняют святыни, без устали считают деньги, слоняяват купюры, мусолят рубли и доллары, продают души дьяволу.

Сталинские гимны и восхитительные песни Пахмутовой уступили место рэпу и сквернословию. Мат звучал не просто в интеллигентских салонах, но на экранах телевидения, в кино, на сценах театров. Вместо скульптур сталеваоров, лётчиков и учёных появился памятник Чижику-Пыжику, а недалеко от Кремля появился памятник фекалиям.

Россия, после распада Советского Союза потерявшая свои лучшие земли, свои великие заводы, отдавшая на растерзание тридцать миллионов своих соотечественников, погибала, была готова исчезнуть. Но случилось чудо — то русское чудо, без которого не понять русской истории, не объяснить русского восстания из праха, русского божественного воскрешения. Чудо, делающее русскую историю пасхальной, двигающее Россию по таинственной синусоиде — от великих потрясений к величию и от величия к новым великим потрясениям, после которых последует неизбежный взлёт грядущего величия. Случилось неизбежное чудо русского воскрешения.

### ЛЕДОКОЛ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Русская история пасхальна. Она повторяет земную жизнь Иисуса Христа. Иисус на белом ослиати, в сиянии славы, въезжает в священный град, его осыпают цветами, а потом — бичи, надругательства, кровавый терновый венец, терзающий чело, несение креста по кровавой дороге, мучительная смерть на Голгофе, снятие с креста и положение во гроб, три дня пребывания в погребальном мраке и чудо воскрешения, вознесение в небеса.

Так и Россия — вначале движется к вершине своей славы и величия — победы, открытия, великие полководцы, мыслители, творцы. А потом — низвержение в пропасть, крах, смерть государства, одичание народа, выпадение из истории и тьма. Но — о чудо! Среди погибели остаётся одна невидимая глазу молекула русского бессмертия. И она начинает дышать, биться, множиться. И вновь Россия восстаёт из праха, стремится к своему величию в праведных трудах и победах.

После краха 90-х, когда у России не было государства, когда победивший Запад отнял у неё историю, обрэк на исчезновение, началось русское восстание против ига. Сначала восстание 1993 года, когда множество людей сложили баррикаду у Дома Советов, вышли на бой за поруганное русское величие и были расстреляны из танков. Потом бросок русских десантников в Югославию, через Сербию в Приштину, вопреки приказам натовских командиров. А потом Мюнхенская речь президента Путина, возвращение Крыма, восстание в Донбассе — всё это вехи великого русского возрождения.

Россия вновь начинает трудиться, её труды направлены на русское возрождение. Эти труды обретают священный смысл. Запечателен план Путина — алтари и оборонные заводы. Алтари, у которых денно и ночью молятся монахи, молитвенно окружают Россию незримым для глаз, непроницаемым для зла покровом, оберегают небесные рубежи России. Оборонные заводы, создавая могучее русское оружие, оберегают земные русские рубежи. Постигая план Путина, я двигался по русским монастырям и оборонным заводам.

Прекрасно Дивеево с тропой Богородицы, по которой пред паломниками, читающими молитвы, шествует сама Божья Матерь. Бесподобен Боголюбский монастырь, в котором случилось чудо явления Пресвятой Богородицы, и князь Андрей Боголюбский повелел в память об этом дивном событии написать икону Боголюбивой Божьей Матери. Неповторим Псково-Печерский монастырь, похожий с горы на пасхальное блюдо, уставленное расписными яйцами — белыми, золотыми, розовыми, в звёздах, в цветах. А в глубине горы — русские катакомбы, подземные храмы, братские монастырские кладбища. Пре-

красны Ферапонтов монастырь, расписанный вдохновенным Дионисием, Кирилло-Белозерский монастырь, напоминающий неприступную крепостную твердыню среди блеска озёр и туманных русских лесов. Чудесны Тихвинский, Иверский, Макарьев монастыри и множество других русских обителей от самого северного монастыря в Туруханске до южного в крымских горах. Все они востали из запустения, трудами реставраторов, монастырских трудников, каменщиков, иконописцев превращены в подобие райских чертогов. И как прекрасен Кронштадтский военноморской собор, где на стенах мраморные доски в память о погибших на море русских моряках!

В Северодвинске, на возрождённом "Севмаше", я видел, как строятся гигантские подводные лодки "Бореи" — русские наutilus XXI века. Гигантский цех — и у пирса громада лодки, её чёрный непомерный зародыш. В минуты рождения распахиваются громадные врата цеха, и лодка медленно выплывает из сумрака в сверкании волн. И в железных шахтах таятся баллистические ракеты с термоядерными зарядами — грозное русское оружие.

В Комсомольске-на-Амуре я видел, как создаётся истребитель пятого поколения. Изысканный, драгоценный, своим совершенством напоминающий цветок и бабочку, он в рёве моторов покидает цех и уходит в небеса, совершая невиданные фигуры: эллипсы, синусоиды, параболы — геометрию воздушного боя.

В Туле, в легендарном Конструкторском бюро приборостроения, я видел, как создают "Панцири" — ракетно-зенитные комплексы, способные перехватывать и уничтожать десятки воздушных целей. "Панцири", козусые сегодня стоят у каждого крупного русского города, у каждого стратегического объекта, ежедневно превращают в труху эскадрильи украинских дронов.

На Урале, на Оптико-механическом заводе, великолепном, с новейшими станками, я видел, как создаются оптические прицелы, дальномеры, приборы ночного видения, вся боевая оптика, которая инкрустируется в танковую броню, в командирские рубки кораблей, в кабины сверхзвуковых истребителей.

В Сарове, в ядерном центре, пережившем тяжёлые 90-е, когда центр отключили от денег, и застыли, замёрзли исследования, и ядерный щит России стал ржаветь, теперь вновь создаются ультрасовременные ядерные боеприпасы. Там произошла моя встреча с давнишним знакомым, академиком Трутневым, с которым когда-то в советское время мы встретились в Семипалатинске на ядерном полигоне. Я видел тогда, как взрывается гора, в недрах которой полыхнул термоядерный взрыв. И мы с Трутневым, радуясь удачному эксперименту, обнялись, и над нами висела горьчинная пыль взорванной горы.

Россия начинала трудиться. В 1991 году России лишили науки, заводов, образования, традиционной культуры и смыслов, объяснявших русскую историю как стремление к совершенству, к идеальному бытию в стране, где нет насилия, лжи, тьмы, где царят гармония и любовь. Россию отбросили на 300 лет назад, и теперь ей предстояло вернуться в историческое время, не оставшая на обочине истории. Сталин сказал, мы отстали на 50 лет, мы должны их восполнить, иначе нас сомнут. Сегодня можно сказать, что мы отстали на 300 лет. Мы должны их восполнить в ближайшие годы, иначе нас сомнут. И Россия восполняет эти 300 утраченных лет.

Россия трудится. Не просто строит заводы, засевает поля, прокладывает дороги, перебрасывает через реки мосты. Трудится, создавая в целом страну, в целом общество, в целом своё государство. Эти труды священы, ибо они снова направлены на достижение высшего идеала, высшей божественной цели, ради которой, возможно, и была создана Россия и сотворён русский народ. Сегодня русские философы, русские историки, ясновидцы стремятся сформулировать веховые смыслы, объясняющие Россию как неповторимую цель, неповторимое историческое явление, которое вносит в историю идеал вселенской гармонии. В 1918 году философский пароход унёс из России её лучшие умы и обрэк русскую философскую науку на иссыхание. Сегодня философский пароход возвратился в Россию, и русские философы трудятся, как духовидцы, возвращая во все русские деяния их духовное содержание.

Прекрасны ультрасовременные заводы и научные центры на Ямале, в Заполярье, на кромке Ледовитого океана. Я побывал на удивительном заводе в Сабетте. Под полярным негаснущим солнцем, под раскалёнными морозными звёздами сверкают фантастические сооружения. Шары, цилиндры, пирамиды, связи труб, гул моторов, дрожание земли. Природный газ, добытый из недр Ямала, поступает на завод, превращается в жидкость, наполняет стальные резервуары. Ледокол сквозь льды подводит к пирсу гигантский танкер, и жидкий газ зака-

чивается в громадные сферы, взбухающие из корпуса танкера, как стальные пузыри. И танкер по Северному морскому пути увозит газ в Испанию, в южные страны или в Японию и Китай. Завод прекрасен в своей неповторимой эстетике, прекрасен своим замыслом, своим богатырским воплощением, когда русский строитель вживил его в вечную мерзлоту, когда каждый его стык, каждая опорная балка, каждая свая предполагали открытие новых, рождавшихся на ходу технологий. Строительство этого завода — проявление искомого русского богатства, великого трудолюбия, отваги и неумолимого творчества.

Челябинский трубопрокатный завод — огромный, стерильно чистый. Уходящий вдаль цех, по которому расставлены могучие с искусственным разумом машины, превращающие стальную раскалённый слиток в звенящий, несущийся молнией лист. Этот лист мнут, ггибают, сваривают, создают из него громадную трубу. Эту трубу шлифуют, облачают в покрытие, делают её нержавеющей, окутывают прозрачной плёнкой, и стальная труба становится драгоценным изделием, с эшелонами уходит на строительство очередного газопровода от океана до океана. Челябинский металлургический завод относится к чёрной металлургии, но рабочие завода называют свою металлургию белой. Она стерильна. Ею управляет искусственный интеллект. И завод своим изысканным дизайном, покрашенными в красное, зелёное, голубое машинами напоминает разноцветные кубы и цилиндры, в которые играют дети, строя игрушечные города и замки.

В сибирском городке Кольцово, что под Новосибирском, я видел, как строится, запускается громадный, не имеющий равных ускоритель. "Русский коллайдер", как его называют строители. В подземный туннель, напоминающий кольцо метрополитена, погружаются драгоценные изделия, созданные атомными химиками. В фантастическую трубу впрыскивается пучок электронов и несётся по кольцу, разгоняемый ускорителем. Достигая невиданных скоростей, он своим развизам ударом раскалывает атомное ядро, и множество чутких приборов ловит эти осколки, раскрывает новые тайны земной материи. Добытые результаты уходят в фармацевтику, металлование, в медицину. Этот сибирский ускоритель, сибирский коллайдер — плод великих трудов, в которых участвуют и высококобые академики, и землекопы, сидящие за рычагами бульдозеров.

Запусчу, начинает осуществляться великий проект очищения. Мы очищаем от мерзких свалок опухши наших лесов, окраины наших городов. Вывозим из Арктики мусор, избавляемся от чудовищных свалок на Новой Земле.

Мы очищаем наше общество, нашу социальную жизнь от воров и казнокрадов, от мерзких лгунов и лукавцев. Идут под суд воры в генеральских погонах, своими кражами лишившие воюющую армию бронжилетов и касок, противотанковых рвов и "ежей". Метла правосудия сметает множество вороватых мзоров и нечистоплотных чиновников. Уходят со своих мест понурые губернаторы, для которых власть — это лишь способ стяжательства. Предстоят великие исправления тех вывихов и перекосов, которыми страдает наша государственная жизнь.

Ещё столько несправедливости, столько нелепости, где труд оплачивается недостойно, где заработки рабочих и служащих минимальны. Результаты труда, их львиную долю присваивает себе работодатель, хозяин, олигарх, неуёмный банкир. Священный труд не может быть трудом из-под палки, рабским трудом с ничтожной оплатой.

Очищение касается наших душ, нашего воспитания, нашей культуры. Изгоняется с экранов и книжных полок культура, развращающая, влекущая к низменным наслаждениям, культура галлюциногенных пороков. Пишутся новые учебники истории, удаляются из школьных программ похабные и русофобствующие писатели, закрываются центры, сеющие ненависть к сегодняшнему государству, насаждающие смуту, распыляющие бактерии вражды. Закрыто общество "Мемориал" (НКО-иноагент. — Ред.), которое на костях мучеников взращивало ненависть к России и её истории. Разгромлено движение навалынистов, затевавших оранжевую революцию. Закрыта радиостанция "Эхо Москвы" (СМИ-иноагент. — Ред.) — оплот либеральной оппозиции. Очищение — это громадный труд, в котором российское общество обретает свою глубинную подлинность, открывает путь к своему совершенствованию, возносится к свящeнному идеалу.

О великом очищении говорит учение русского космиста Николая Фёдорова — философия общего дела. Согласно этому учению, человек, который очистится от тьмы, от пороков, от всех земных грехов, станет прозрачным для света. Если такой человек соединит свои возможности с возможностями ультрасовременных наук, если очищенный, светоносный человек возьмёт на вооружение светоносные знания, то он обеспечит бессмертие, по-

лучит возможность воскрешать из мёртвых, совершит деяния, которые, по мысли библейских пророков, возможны только после Страшного суда и воцарения на земле Царствия Небесного. Калуга — удивительное место, где в одно и то же время появились и проживали изумительные русские космисты Александр Чижевский, Николай Фёдоров, Константин Циолковский. Это тайна калужской земли, взывающей к Космосу. На калужской земле находится Оптина пустынь — восхитительная обитель, где подвизались старцы — носители высокой прозорливости и божественных откровений. Там же, под Калугой, находится удивительный град Обнинск, где сосредоточены высшие научные знания. В Оптиной пустыни учат, как добиться человеческого совершенства, обрести прозрачного для света человека. В Обнинске же лучшие учёные России раздвигают границы познания. Оптина пустынь и Обнинск сближаются, ищут друг друга. И когда они встретятся, быть может, сбудется мечта Николая Фёдорова, возникнет в месте их встречи богоподобный, бессмертный человек. Такой человек достигается великими трудами, трудами-священнодействиями, трудами, которые ожидают сегодняшнюю Россию.

Война, Специальная военная операция, где Россия сражается с чудовищной громадой Запада, с его оружием, технологиями, его деньгами, его ядовитой культурой, его геополитикой и дипломатией, его магией и оккультизмом. Война, которая идёт сегодня в России, стоит ей гигантских, непосильных трудов. Война — это огромный завод, вырабатывающий Победу. Каждый бой на этой войне — это цех, где трудится множество ратников в бронжилетах и касках. Каждый воюющий солдат — это стоящий у станка рабочий, что в кровавом поту вытачивает драгоценную деталь, без которой невозможна Победа. Военные труды нескончаемы и несметны. Надо рыть блиндажи и окопы, вытаскивать застрявшие в грязи грузовики, непрерывно перемещать с места на место орудия и танки, сбивать украинские дроны. Это бессонные ночи, превозмогание болезней, превозмогание жуткой усталости, превозмогание страха смерти. Военный труд — священный, ибо он устремлён к Победе, той неизбежной Победе, которая наполняет своим огненным потоком чашу русских побед, ибо высшая русская Победа не только победа на поле боя, не только сотворение бесподобной русской иконописи и древней архитектуры, не только русская литература Золотого и Серебряного веков. Русская победа — это достижение возвышенного божественного идеала, к которому в своих великих священных трудах стремится Россия.

Есть градообразующие заводы, придающие смысл целым городам с многотысячным населением. Есть государствообразующие заводы, на которых, как на столпах, жидётся мощь государства. А есть священные заводы. Они связаны с трудами, возносящими Россию к священной Победе. К числу таких заводов относится "Уралвагонзавод" в Нижнем Тагиле. Завод, создавший тысячи тридцатьчетвёрок, спясавших русскую кадриль на крыше Имперской канцелярии в Берлине. Т-34 — священный танк, танк Победы. Он стоит на всех перекрёстках русских дорог, на всех площадях, как часовая. И люди, проезжающие мимо вознесённого на пьедестал танка, смотрят на него, как на икону, и глаза молитвенника светлеют от благодарности и любви. Сегодня "Уралвагонзавод" строит лучшее в мире танки. Его конвейер не затихает ни днём, ни ночью. Рабочие трудятся в три смены. Их щёки запали, на лбу пролегли тяжёлые складки. В глазницах угрюмый, негасимый огонь победителей. Тебя поражает громадный цех, сотканный из стальных лучей, наполненный гулом, звоном, вспылками сварки, треском электродов, грохотом молотов. Танк рождается из пылинок, из рассеянных в воздухе металлических частичек, из излучений, звуков. Из ярчайших всплешек появляется на конвейере короб танка, стальной хитин из углов и рёбер, о который в бою будут рикошетить пули и осколки снарядов. В этот короб загружается могучий двигатель, сияющий, как слиток. Так в операционных происходит пересадка сердца. Под сводами цеха медленно плывёт башня с громадной пушкой, ищет своё место в танке. Башню нахлобучивают на танк, как гигантскую шляпу. Это не дамская шляпка, не шляпа с плюмажем, не чалма, не тубетейка, не кепка. Это громадный слиток брони, из которого тянется обод пушки. В эту башню, будто руками искусных реставраторов, инкрустируются хрупкие приборы, прицелы, дальномеры, системы космической связи. Танк, оснащённый гусеницами, орудийными системами, могучим двигателем, сходит с конвейера, грузится в эшелон и прямо с завода отправляется на фронт — туда, где танк ожидает вражеские "Джавелины", бронейбойные снаряды, где танк Т-90, потомок легендарного Т-34, ведёт свой праведный бой за русскую Победу.

Русское возрождение требует искусства возрождения, новой авангардной эстетики, которая идёт на смену искусству разрушения, осквернения, искусству упадка и деградации. На "Уралвагонзаводе", прямо в цеху, где собираются танки, состоялась премьера рок-оперы "Хождение в огонь". Это опера о сегодняшней Специальной военной операции, о сегодняшней войне. Её стихи — это репортажи с поля боя, это молитвы, проклятия, крики "ура!", вдовьи рыдания, грозные победные песни. Сцену сколоти-

ли из досок прямо в цеху, и запах свежераспиленного леса мешался с запахом раскалённой стали и смазочных масел. Певцы, танцоры танцевали и пели прямо на танках, их голоса сливались с грохотом конвейера. В музыку оперы вливались гудки тепловозов, лязганье эшелонов, треск электросварки. Танк слушал оперу. Вместе с прицелами и дальномерами в танк погружались музыка и танцы. Опера становилась невидимым таинственным элементом созидаемого танка. Труды певцов и танцоров сочетались с трудами монтажников, оружейников, электронщиков. Танк, напоенный оперой, уходил на эшелон. С эшелона мчался прямо в бой. И опера спасала танк от бронейбойных снарядов и коварных ударов гранатомётов. И опера, которая дышала в танке, становилась оперой поля боя. Священный труд танкостроителей, священнодействие танцоров и певцов, бесстрашие и любовь танкистов сливались в симфонию русской Победы.

Я был на Балтийском заводе в Петербурге и видел, как строится атомный ледокол. Я видел его громадный чёрный стальной корпус, в недрах которого блуждали огни, сверкали вспышки, зажигались голубые и розовые звёзды электросварки, стучали молотки, звенели и жужжали свёрла. Вдалеке золотым куполом громоздился Исаакий, виднелись колоннады дворцов и храмов, сияла звезда Петропавловки, каменные львы протягивали к ледоколу свои белые лапы. Ледокол, стоя у Невского пирса, строился, как некогда строились Исаакий или Казанский собор. Ледокол был частью великого города. Был его новым кварталом. Нёс в себе энергию могучего имперского града.

Я видел, как спускается ледокол на воду. Прекрасный в своей грозной неповторимой красоте, с громадным чёрным корпусом, с белоснежной глазастой башней, с ядерным сердцем, многотонными якорями, спускавшимся из ноздрей, с красной полосой, идущей от кормы к носу, похожей на лампас. Лучшие рабочие, инженеры, управленцы завода подходили и били в старинную рынду, висющую на столбе. И на звон этой корабельной рынды, этого старого колокола откликались все колокола Петербурга. Гремели колоколами Исаакий, Казанский собор, Петропавловская крепость, Александроневская лавра. Шёл великий молебен, отправлявший ледокол в его величественное плавание. Бутылка шампанского разбилась о борт и обрызгала ледокол шипящей пеной. Сварщики в масках, встав на колени, словно молитвенники, своими автогенами разрезали стальные канаты, удерживающие ледокол у пирса. Канаты лопнули. Громада ледокола качнулась и пошла, поскользила, ударила в Неву, распахнув воду. Закачалась на водах в своём великолепии и мощи. Это был ледокол великих русских трудов, русских надежд и мечтаний о прекрасном будущем, где русский народ станет самым счастливым, добрым, просвещённым, боготворенным народом.

Ледокол медленно уходил от пирса в туманные дали, где ему предстояло дробить полярные льды, прокладывая путь караванам русской истории.

##### Александр ПРОХАНОВ

На фото: статуи «Колхозница» и «Рабочий» на главном здании МГУ им. М.В. Ломоносова (скульптор М.Ф. Бабурин, 1953 г.)

